

*Моему родному Чингизу.
Спасибо за твою временами неодобрительную улыбку
и за то, что ты всегда рядом.*

*С благодарностью Оле Ткачевой.
Ты делаешь меня лучше, солнце.*

Когда хочется уйти от того, что причиняет боль,
кажется, будет легче, если повторишь
вспять уже раз пройденную дорогу.

Фрэнсис Скотт Фицджеральд

ЧАСТЬ I

От тебя...

Величайшее несчастье —
быть счастливым в прошлом.

Бозций

1

В моей жизни давно не случилось ничего примечательного. Сплошные повторы изо дня в день. Вплоть до мелочей. Адская трель будильника, который так и подмывает выбросить с балкона. Не решаюсь — он подарен ею, на Хэллоуин. «Страшнее презента не придумаешь, дорогой! В магазине сказали, что его звонок разбудит даже мертвого». Холодные тапочки, которые оказываются где угодно, только не у кровати. Всегда хочю плюнуть и не искать их, но ступить

босиком на ледяной пол ванной — это похуже любого будильника. Поэтому первые десять минут после пробуждения уходят на поиски шлепанцев. Обычно они оказываются в разных неожиданных местах, как будто я застал их за игрой в прятки.

Потом быстрый душ с закрытыми глазами, нездоровый завтрак — растворимый кофе (лень заваривать), лицемерное «Доброе утро!» от излишне любопытной соседки (ей дай волю, она и под кровать ко мне заглянет) и быстрые шаги в сторону метро. Ничего примечательного. Заурядный день обычного человека. Таких, как я, миллионы. Особенно в больших городах. И исчезновение одного из нас пройдет незамеченным. Я из-за этого не переживаю. Абсолютно. Только временами задумываюсь, когда вижу в утренней давке вагона мужчин моложе меня. В них еще есть энтузиазм, глядишь, некоторые даже улыбаются. Скоро они станут похожими на меня, а я стану похожим на тех, кто уже не живет. Доживает. Я пока еще барахтаюсь. Если задумываюсь о чем-то, значит, жив. Но до поры сплошных рефлексов и атрофировавшихся чувств осталось мало. И я обязательно дойду до окончательной точки разложения, если не... Какая дурацкая ирония: когда зависит от нас мало, наши планы и надежды все чаще начинаются с беспомощного «если».

А ведь еще каких-то восемь месяцев назад было все иначе. Была Венеция и сплетение рук в ускользающих тенях Сан-Марко. Было лето и волнистые страницы любимых книг — мы их перечитывали на пляже, а с волос капала соленая вода. Были волшебные вечера на кухне за кружкой чая и солнечные мысли, посещающие просто так. Я не романтик, хотя, признаюсь, когда-то был им. Просто оживляю себя воспоминаниями, чтобы счетчики окончательно не обнулились. Каждый забывается по-разному. Кто-то ищет спасения в водке, кто-то в иллюзиях, кто-то — в прошлом. Если я ищу спасения, значит, я еще верю? Или это всего лишь обезболивающее на время?

Во мне нет злости. Вместо нее раздражение. На самого себя. Раздражение совершенно необъяснимое, ну, как когда разглядываешь отражение в зеркале и понимаешь: что-то не так, а что именно — не знаешь. Все не так. И это не заниженная самооценка или приступ самокритичности. Снова странное чувство, словно вот-вот разорвутся важные нити, а я не могу ничего поделать.

После работы, по пятницам, сотрудники приглашают культурно провести время. Сходить в прокуренное заведение на противоположной улице. Там водянистое пиво, невкусная закуска и официантки слишком доступные. Бери не хо-

чу. «Не хочу. В другой раз, мужики». Я уже давно не объясняю причину отказа, надеюсь, скоро они вообще перестанут звать. Мне тоскливо от повторов в жизни, не хочу, чтобы они были связаны даже с походами в пивнушку. Как-то совсем унизительно это. Тем более и компания никакая (последовательность их разговоров знаю наизусть), и пиво посредственное (если верить меню, немецкое, разливное), и печальный вид официанток (у них глаза, как проселочные дороги осенью) наводит на мысли о безнадежности существования.

Я не знаю, что будет дальше. Наверняка не окажусь в тюрьме за убийство самого себя. Наверняка не лишусь работы из-за нахлынувшего кризиса — я проверенный и исполнительный сотрудник, с недавних пор не амбициозный, не жду прибавки к зарплате или повышения. Наверняка не женюсь, не заведу собаку. Нет сил на совершение выбора. Тем более правильного выбора в реальности не существует — есть только сделанный выбор и его последствия. Наверняка я буду так же, как сегодня, возвращаться ближе к девяти с работы, вдыхать одинокий воздух пустой квартиры, варить макароны на ужин, есть за телевизором и вырубаться после обильной мастурбации. Пустые слова, что это не жизнь. Это жизнь,

нелюбимая и одинокая жизнь, в которой каждый новый день — вчерашний.

2

Передо мной сидит Фернандо. Весь такой довольный, элегантно одетый, с развязанным галстуком. Его штанины задрались вверх, обнажив смуглые ноги с темной порослью. У него хорошее настроение, у меня — не очень. Два часа назад Фернандо позвонил и сказал, что заедет ко мне с бутылкой французского коньяка. Он называет это «Выпьем, поболтаем. Давно не виделись».

Мы вместе учились в школе, вместе стали мужиками. Однажды в восьмом классе наскребли денег, пошли к шикарной проститутке с псевдонимом Мишель. Она жила недалеко от Центральной площади в маленькой квартирке, где было много красного и пахло сладкими духами. У Мишель была сочная грудь и невероятно пухлые губы. Для нас, смущенных девственников, было огромным везением переспать с такой женщиной, причем двоим одновременно.

На самом деле он не итальянец и зовут его гораздо банальнее. Фернандо — кличка со стар-

ших классов, когда наш светлый одноклассник в расцвете подросткового возраста посмуглел, потемнел, стал походить на типичного итальянца. Девкам это нравилось, у пацанов, естественно, вызывало зависть. Фернандо пришлось отложить Сэлинджера в сторону и научиться драться. Дрались мы вместе — и в школе, и по жизни — до тех пор, пока Фернандо не женился. На богатой девушке арабского происхождения. Он говорил, что по любви, я не очень верил, но молчал.

Сейчас у моего друга есть семейный очаг, покорная жена, две очаровательные дочери, секс раз в неделю, квартира в десяти минутах от набережной и покровительство тестя. Фернандо доволен, я опять-таки не очень верю, но молчу. Пропустив по стаканчику, обсуждаем свои жизни, каждый старается зацепить другого побольнее. Не то чтобы мы, как два петуха, хвастаемся богатством своих курятников. Но неизменно говорим о преимуществах друг перед другом, корректно называя их «плюсами». Это спорт. Своеобразная дуэль между мужчинами.

Дочери — главная победа в жизни Фернандо. «Каждый мужик рано или поздно задумывается о смысле жизни. Ну сколько можно работать, бухать, трахаться и херней маяться? Мои дочки и есть тот смысл, который мне был нужен, хотя

ты знаешь, как я боялся заводить семью. Не представляю, как люди живут без детей. Когда не спотыкаешься об игрушки ночью и никто не несетя на твое «Эй, кто есть дома?». Да, старик, ты можешь назвать меня сентиментальным му-даком, но это чушь, что семья для мужика — тяжкие оковы. Мне хорошо! Конечно, от жены периодически устаю, но любовь детей компенсирует многое, если не все».

Я молчу. То, что мне хотелось сказать Фернандо о свободе — главном плюсе моей жизни, уже кажется бессмысленным. Вряд ли в свободе больше смысла, чем в детях. И ведь наверняка Фернандо повторит слова, которые я не раз слышал: мол, жалобы большинства мужчин на одиночество — рядовое кокетство, им нравится жить в преодолении, считать, что размеренная семейная жизнь ведет к хандре и импотенции.

Подливаю коньяк в бокалы, отправляюсь искать лимон в надежде поменять тему беседы. Я люблю Фернандо. Близкий мне человек. Давно не ценю его за что-то, он просто свой. Но даже перед ним прячу собственную уязвимость. Веду себя самоуверенно, ненароком обсуждая то, что внутри отзывается болью. Каким бы ты мужиком ни был, иногда твоя противотанковая броня покрывается ржавчиной. И хочется кусочка безвозмездного

тепла. Но все привыкли к тому, что ты вот такой вот железный парень. И никому в голову не закрадется мысль о том, что тебе так мало надо.

Выхожу проводить Фернандо, заодно подышать воздухом. Ночной город. В легком тумане размывается свет улиц — так видит фонари близорукий или плачущий человек. Или горемыка без перспектив. Итальянец изрядно выпил, говорит слишком громко. Загружаю его в такси, называю адрес, плачу. Возвращаюсь обратно, подняв воротник пиджака. В памяти всплывают слова Фернандо: «Я все время ждал, что вот-вот появится именно та, что станет моей судьбою. Как в книжках. Так редко кому-то везет. Лично мне не повезло... Брат, не ставь высокую планку в личной жизни. Наши половинки — это еще и плод наших усилий. Возможно слепить то, что хотелось. Не сразу, конечно. Со временем. Мы, мужики, чаще всего сами виноваты в своем одиночестве, подсознательно выбирая свободу».

3

«Вы неважно выглядите. Может, съездите куда-нибудь, отдохнете? Смените обстановку». Если она не заткнется, я убью ее. «С ван-

ной закончили?» — перебиваю ее, ухожу в прихожую, вытягиваю портмоне из кармана куртки. Быстрее бы ушла. Возвращаюсь с купюрами в руках. «Да-да, все... Мне неудобно брать всю сумму, у вас всегда чисто, давайте половину». Она смотрит на меня жалостливым взглядом, будто я инвалид или умалишенный, за которым надо присматривать. Я держу деньги перед ее лицом, делая вид, что не слышал: «Всего хорошего. На следующей неделе в это же время».

Опустив глаза, кивает, берет деньги, торопливо одевается. Худенькая. Плащ цвета топленого молока, коричневые ботиночки, шерстяная беретка. Рядом с сумкой три тяжелых пакета, видимо, шла сюда с рынка. Рыжая убирается у меня второй год. Раз в неделю, по пятницам. Ее мне посоветовала консьержка: «Приличная женщина, чистая на руку, одна дочь растит». Обычно с Рыжей не встречаюсь, приходит в мое отсутствие (ключи оставляю у консьержки). Вторую пятницу возвращаюсь домой раньше обычного, сталкиваюсь с Рыжей.

Она стала неприятна мне. Может, из-за того, что Рыжая — свидетель моего потерянного прошлого, где не было пустоты, ускользающих призраков, где были двое? Не знаю. Думаю,